

ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

DOI: 10.17805/zpu.2016.1.14

Вокруг Николая Станкевича: тезаурусная сфера

А. Н. СВАЛОВ

(РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, Г. МОСКВА)

Автор статьи относит концепцию тезаурусной сферы к числу важнейших новаций в рамках проблематики субъектно-ориентированного подхода к пониманию человека и его мира. При этом он предлагает рассматривать такую сферу вне структуры исходного тезауруса, а как виртуальное образование вокруг того или иного социального субъекта. Исходя из этого посыла в статье раскрываются особенности развития тезаурусной сферы вокруг Николая Станкевича — русского философствующего мыслителя 1830-х годов. Показано, что на развитии сферы серьезно сказались неординарность его личности и выбивавшийся из привычных вариантов собственного жизнестроительства. В годы своей скоротечной жизни он оставался «своим» лишь для друзей и ограниченного круга лиц.

Издание в 1857 г. П. В. Анненковым книги о Станкевиче стало этапным событием: оно открыло для общества фигуру Станкевича, обогатило тезаурусную сферу вокруг него напряженным дискурсом о разных вариантах жизненных стратегий, значимых для общества. Однако интерес к Станкевичу и его тезаурусу в последующие десятилетия сохранял сдерживающую специфику, которая во многом объясняется тем, что представителей разных идейных течений проблематика преобразования общества занимала неизмеримо больше, чем проблематика развития и саморазвития человека. Станкевич, в том числе в советское время, оставался фигурой небезынттересной, но не актуальной.

Перспективы нового, содержательно-смыслового наполнения тезаурусной сферы вокруг Станкевича обусловлены прежде всего формированием интереса к его картине мира и личности в целом со стороны других социальных субъектов. Для этого необходимо осознание важности «осуществления человека», обогащения внутреннего, духовного мира. Ключевые слова: тезаурусный подход; тезаурусная сфера; Н. В. Станкевич; русский романтический идеализм XIX в.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных новаций последних лет в субъектно-ориентированном тезаурусном подходе к пониманию человека и его мира стало выдвижение концепции о виртуальной тезаурусной сфере. В обобщенном виде опорные положения о такой сфере представлены в статье Вл. А. Лукова (1948–2014) (Луков, 2014), написанной незадолго до смерти этого крупного ученого. Тезаурусную сферу предложено рассматривать как специализированное образование применительно к шарообразной модели тезауруса; отмечена условная равноценность различных сообщений, продуктов и феноменов, которые составляют содержание и определяют структуру сферы; показано, что тезаурусные сферы подвержены изменениям, обусловленным накоп-

лением знаний, историческим и социально-культурным развитием (см. также: Луков, 2015: 16–17).

Плодотворность новации о тезаурусной сфере несомненна, но некоторые высказанные положения нуждаются, по нашему мнению, в уточнениях и дальнейшем развитии. Тезаурусный подход базируется во многом на образах, и это обстоятельство вполне допускает и даже предполагает весомую роль исследовательской субъективности. Так, сомнения вызывает посыл о том, что образ такой сферы следует рассматривать как слой в модели тезауруса, в рамках его структуры. Мы исходим из того, что сфера никогда не замыкается на исходном социальном субъекте, хотя она и порождена, вызвана им. Сфера не может существовать без вовлечения и взаимодействия в разных проявлениях нескольких субъектов. Поэтому представляется более оправданным понимать образ такой сферы как пространство, в той или иной мере объемное, с разнородными слоями, с различными составляющими *вокруг социально-го субъекта*.

Тезаурусный подход с его ориентирующим потенциалом не предполагает раскрытия всего содержательного, зачастую многообразного, меняющегося наполнения тезаурусной сферы вокруг субъекта. Да это и невозможно. Он направлен прежде всего на выяснение специфики, динамики, энергетики развития конкретной сферы, ее последующих проявлений в контексте социокультурной реальности. Это, в частности, помогает пониманию особенностей восприятия, влияния, воздействия тех или иных значимых персоналий (в том числе известных деятелей науки и культуры) с их тезаурусами на культурную картину, жизненный мир современников и представителей новых поколений. Впрочем, перспективная для гуманитарной науки проблематика тезаурусной сферы с ее теоретическими и прикладными аспектами нуждается в дополнительных размышлениях и обсуждениях.

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты развития тезаурусной сферы¹ вокруг Николая Владимировича Станкевича (1813–1840) после его ранней смерти. Статья дополняет нашу предыдущую публикацию (Свалов, 2015а) о тезаурусе этого философствующего гуманиста и просветителя.

«ДЛЯ НАС ОН НЕ УМЕР»

Николай Станкевич был человеком незаурядным, что единодушно признавали все, кто его знал. Открытый, доброжелательный, он умел располагать людей к себе, на собственном примере побуждать их к новым знаниям, творчеству, к пониманию и раскрытию своего «Я», воспитанию личности. В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, Я. М. Неверов, В. И. Красов, К. С. Аксаков, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, А. В. Кольцов, И. С. Тургенев — список имен можно дополнять — отмечали благотворное воздействие Станкевича на свою жизнь. Они были признательны ему за дар общения, деликатное интеллектуальное и духовное наставничество, поэтому по примеру Белинского каждый из них искренне заявил бы: «Нам посчастливилось — вот и все...» (Белинский, 1982: 401). Конечно, среди современников, знавших Станкевича, встречались и те, кто неспособен был «вполне усвоить примера его, у других жизнь и нерадение заглушили благодатные зерна», но и они были «нравственно подняты им и были, хоть на мгновение, *выше себя*» (Анненков, 1857: 11; курсив автора. — А. С.).

Тем не менее значимое пополнение тезаурусной сферы вокруг Станкевича не было предопределено. Жизненный путь его не отмечен заметными внешними событиями. Он не был человеком публичным, громким, не стремился к известности. Не имея

притязаний на звание литератора, он редко выступал в печати, предпочитая в доверительных беседах и письмах делиться идеями, мыслями, переживаниями. Если обратиться к московскому кружку Станкевича, который начал складываться в конце 1831 г. и собирался до своего распада в конце десятилетия, то он представлял собой тесную группу молодых идеалистов, однако о ней в то время опять-таки мало кто знал. При жизни Станкевича в тезаурусную сферу вокруг него было вовлечено ограниченное число социальных субъектов. Такая констатация не умаляет, разумеется, значения деятельности Станкевича, как и кружка, способствовавшего становлению ярких личностей и сыгравшего роль подготовительной школы для основных течений общественной мысли России, прежде всего западничества.

Но не только малоизвестность как таковую следует принимать во внимание. Харизматичный Станкевич показал новый, выбивавшийся из привычных, вариант самостоятельного жизнестроительства, «благой жизни», возможность реализации «Я» вне нормативных, задаваемых и распространенных форм и социальных институций (см.: Калугин, 2006: 187). Со своей картиной мира, которую определяла проблематика обретения личности, совершенствования «внутренней жизни» человека как предпосылки для полезной деятельности, он был фигурой нетипичной даже для образованных людей. Значимым «своим» он выступал для достаточно узкого круга лиц².

В архиве Станкевичей сохранился фрагмент неподписанного письма³ (авторство Т. Н. Грановского представляется несомненным) к Н. А. Беер⁴. В этом интересном документе, датированном предположительно летом 1843 г., речь идет о статье (очерке) о жизни Станкевича, подготовить которую согласился Н. Г. Фролов⁵. Друзья Станкевича понимают трудности ее написания. Грановский пишет: «Говорить о нем от себя много нельзя: у нас нет доказательств, которыми мы могли бы оправдать перед толпою читателей наше мнение о нем. А людям трудно втолковать, что можно быть великим человеком, не написавши великой книги или не совершивши дел» (Отдел письменных источников Государственного Исторического музея — ОПИ ГИМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 64. Л. 359 об. — 360). И далее, разъясняя особенности воздействия Станкевича на друзей, Грановский отмечает, что Станкевич «действительно не совершил видимых, тотчас оцениваемых подвигов: он призвал к себе нескольких человек, пересоздал их по образу и подобию своему, дал им свои идеи, сколько могли они по силам своим принять, и потом он пустил их в жизнь — да действуют они во имя его, да осуществляют они его святые, великие мысли» (там же).

Известный историк навсегда благодарен Станкевичу в умственном и нравственном отношении за влияние на свое развитие: «Если мне суждено совершить что-нибудь в жизни — то будет делом Станкевича, который вызвал меня из ничтожества. Впрочем, не со мной одним он это сделал. Кто знал близко Станкевича, для тех он не умер» (там же. Л. 360 об.) (курсив наш. — А. С.).

Мы обратились к этому письму, поскольку в нем со всей очевидностью расставлены тезаурусные акценты. Признание высокой значимости Станкевича для «своих» дополняется откровенным выводом, что он предстает для большинства неизвестным лицом, а в случае рассказа о нем посредством, к примеру, документированной статьи многими читателями будет оценен как непонятный, а возможно даже как «чуждый».

Необходимо отметить и другое. Друзья, соратники Станкевича, возвращаясь к его образу, прекрасно понимали, что «время Станкевича» — кружкового идеализма 1830-х годов с его романтической пуповиной — прошло. Реализм (само понятие реал-

лизм в России стало использоваться с конца 1840-х годов) постепенно утверждал свои позиции как ведущего феномена в развитии культуры. Внимание к реальной действительности, формированию целостной личности, умеющей жить в «открытом море действительности», проявлять себя в нем своими деяниями, требовало нового типа интеллектуалов и общественных деятелей. Поэтому не случайно Белинский скажет, что Станкевич умер вовремя; эта смерть «...показалась мне тем более естественна и необходима, чем святее, выше, гениальнее его личность» (Белинский, 1982: 391). Новые концептуализации российских реалий, поиски путей к самоосуществлению в разнообразном внешнем мире не могли способствовать восприятию его модели жизни и поведения.

Более того, и у людей из прежней кружковой генерации происходят существенные изменения, сдвиги в содержании тезаурусного «своего», в жизненных стратегиях по сравнению с периодом юношеского идеализма. Достаточно вспомнить, например, об эволюции личности и воззрений Белинского или Бакунина, прежде активных участников кружка Станкевича. «Свою автоконцепцию, — справедливо отмечает историк Е. А. Сараева, — каждый из друзей в 40-е гг. создавал уже не как идеал, а как совокупность представлений о ценностях, индивидуальных дарованиях, целях деятельности» (Сараева, 2014: 8). Провозглашается значимость разных вариантов и сценариев житнетворчества, не столько солидарного, коллективно разделяемого, сколько индивидуально выраженного «своего».

Бывшие идеалисты-романтики критически относятся к кружковой практике своей молодости, к кружкам как социально-культурному явлению. Вот и Белинский в феврале 1840 г. заявит в письме к М. А. Бакунину: «Но я — от души рад, что нет уже этого кружка (Станкевича. — А. С.), в котором много было прекрасного, но мало прочного; в котором несколько человек взаимно делали счастье друг друга и взаимно мучили друг друга» (Белинский, 1982: 346). Изменения в обобщениях и оценках находят отражение и в художественной литературе. В рассказе И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» (1848) встречаем самое нелестное описание героем минувшей кружковой жизни, который в итоге восклицает: «О кружок! ты не кружок: ты заколдованный круг, в котором погиб не один порядочный человек!» (Тургенев, 1979: 263)⁶.

Однако, несмотря на очевидные перемены, влияние тезауруса, личности Станкевича сохранялось, хотя и не в такой мере, как при его жизни, что находило выражение в стремлении русских интеллектуалов к саморазвитию, высоким целям, в неприятии филистерских ценностей жизни, повседневной рутины.

Но вернемся к рукописи Н. Г. Фролова. Она оказалась объемной (более 350 рукописных листов); при этом основное место в ней заняли произведения, письма или фрагменты писем самого Станкевича. Основную работу над рукописью автор закончил к середине 1844 г.; Грановский давал ее читать заинтересованным лицам, в том числе младшему брату Николая Станкевича — Александру Владимировичу (1821–1912) (ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 67. Л. 117). Но рукопись даже «в небольшом числе экземпляров» свет не увидела, и причина тому не только в отдельных цензурных изъятиях по тексту, а в возникших трудностях. Вначале ее хотели опубликовать в новом журнале «Ежемесячное обозрение», организовать который надеялся Грановский (выпуск журнала не получил соизволения императора); не исключалось издание статьи отдельной книжкой (см.: Т. Н. Грановский и его переписка, 1897: 417, 419), но и этот вариант не был реализован, вероятно, из-за нехватки денежных средств.

ПРАВО НА ПРИЗНАНИЕ

Обратимся теперь к середине 50-х годов. XIX столетия, когда в обстановке оживления общественной жизни обозначился интерес к личности, смыслу проживаемой человеком жизни. В 1857 г. происходит знаменательное событие: выходит в свет книга «Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым»⁷. Сразу оговоримся: в связи с этой книгой, заслуживающей комплексного исследования⁸, нас интересуют, главным образом, аспекты, имеющие отношение к проблематике тезаурусной сферы.

Как раз в то время Анненков (1812–1887) накапливал опыт биографа и публикатора. В 1855 г. были изданы «Материалы для биографии А. С. Пушкина», вошедшие в первое научное собрание сочинений Пушкина в шести томах (дополнительный, седьмой том вышел в 1857 г., почти одновременно с книгой о Станкевиче). Но великий поэт — при всей важности анненковских трудов — уже занимал достойное место в русском культурном тезаурусе, о Станкевиче такого не скажешь. Анненкову, который сам не был знаком со Станкевичем, предстояло открыть эту фигуру, обосновать для себя и читателей ее значимость, ранее понятную лишь для друзей и ограниченного числа лиц. Тем самым новизна в его работе о нашей персоналии должна была приобрести иную, чем в рамках пушкиноведения, содержательно-целевую направленность.

Анненков это обстоятельство осознавал, как и понимал трудности, с которыми неизбежно встретится. И все-таки по настоятельной просьбе А. В. Станкевича согласился приступить к новой работе, стараясь «...соединить участие и энтузиазм к прошлым деятелям с критикой и дельным обсуждением» (Анненков, 2005: 49). Неординарная поэтическая личность Николая Станкевича не могла не привлекать.

Над книгой Анненков работал с начала лета 1856 г. Небезынтересен сам замысел издания: в одном томе соединить два текста — письма Станкевича⁹ и развернутый биографический очерк о нем. Тем самым Станкевич посредством писем, взятых как целостный текст, получал «право голоса», возможность репрезентовать историю становления и развития своей личности, а биографические сведения с необходимыми обобщениями призваны были помочь воспринять эту репрезентацию, «побудить читателя вникать в серьезное изложение» (Пыпин, 1996: 232). При этом биографическое повествование Анненкова и вне общего тома могло выступать как отдельное сочинение. Еще до выхода книги очерк появился на страницах журнала «Русский вестник» (1857, №2, кн. 1, 2; №4, кн. 1), среди основателей которого в 1856 г. был и Александр Владимирович Станкевич.

Авторитетному П. В. Анненкову удалось привлечь разноплановый материал. А. В. Станкевич предоставил письма и другие документы Н. В. Станкевича, в том числе хранившиеся у Неверова, а также свои фрагментарные записи о старшем брате (Рукописный отдел Института русской литературы и искусства — ИРЛИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 130). В распоряжении Анненкова имелась рукопись Фролова. Тургенев по просьбе Анненкова, с которым он был знаком с 1843 г. и находился в дружественных отношениях, записал воспоминания, относящиеся к пребыванию Николая Станкевича в Германии и Италии (Тургенев, 1980: 360–366). Друзья и знакомые Анненкова помогали в уточнении отдельных сведений, в справочной работе. Но главное, конечно, в усилиях самого автора, который этой книгой еще раз подтвердил свою активность и таланты.

Мы здесь ни с позиций истории литературы, биографического жанра, ни с позиций литературной критики не анализируем анненковское издание. Для нас важно то, что оно не только заняло достойное место в тезаурусной сфере вокруг Станкевича, но

и привело к качественным подвижкам в этой сфере. О Станкевиче, его личности, его «эпохе» заговорили. Он стал лицом общественного обсуждения; возник, говоря современным языком, проблемный и актуальный дискурс, который обогатил тезаурусную сферу.

Главный вопрос состоял в том, заслуживает ли Станкевич право на признание образованного общества, на соответствующий уровень внимания к своей жизни (см. о «стратегии оправдания характера»: Калугин, 2015: 224–228). Вскоре после выхода в свет книги Анненкова в журнале «Библиотека для чтения» появилась обширная рецензия И. И. Льховского (1829–1867), в которой такое право фактически отрицалось, исходя из сомнений в значении жизненной истории Станкевича для общества. Прагматически настроенный критик согласен, что Станкевич — человек необыкновенный, его развитие было высоко и полно, но тем не менее, наслаждаясь жизнью, он не нашел центр «вне себя», он не знал сознательного упорного труда (Льховский, 1858: 45–46). Станкевич, как показал Анненков, занимался наукой и искусством, но где же его открытия, полезные научные и литературные труды? Где его самоотвержение в практической деятельности? Да, он был прекрасным человеком, но прекрасным для себя, не для общества. Даже значимость влияния Станкевича на других людей из своего круга сомнительна, поскольку эти люди развились бы и сами по себе, если на то имели способности. Станкевич, по мнению Льховского, выступал дилетантом и эгоистом, хотя и в возвышенном смысле. Он «выполняет свое назначение и получает награду в самом себе, в своем личном, частном бытии: в наслаждении дарами природы, жизни и самим собою» (там же: 40). При исполнении людьми типа Станкевича нравственного долга «на счет своих личных интересов», без «ощутительных и определенных результатов», имеющих общественное признание, общество имеет право их не знать (там же: 7, 8).

Обобщения и оценки этого критика напрямую противоречили концептуальным положениям Анненкова¹⁰, который, рассказывая о своем биографическом субъекте, доказывал, что «на высокой степени нравственного развития личность и характер человека равняются положительному труду, и последствиями своими ему несколько не уступают» (Анненков, 1857: 5). Очевидно, контекст такого обобщения был более широким: либерально настроенный Анненков убежден, что «положительный труд» может быть различным, ибо не только по распространенным образцам происходит полезная для общества самореализация человека.

Анненкова в главном со страниц «Современника» активно поддержал Н. А. Добролюбов, который с сожалением отмечал, что даже в образованном обществе нередко проявляется «неуважение к личности вообще», непонимание «прав каждого человека» (Добролюбов, 1986: 467). Весьма интересно, что Добролюбова, человека из другой общественной среды и в значительной мере иных идейных установок, «пленяет в Станкевиче именно это постоянное согласие с самим собою», отсутствие внутреннего лицемерия, натянутой добродетели (там же: 470, 477). Известный критик и публицист вполне разделяет важность внимания к «внутренним процессам самосознания и саморазвития» человека, к его нравственности. Возражая Льховскому, он писал: «...человек высоко честный и нравственный в своей жизни вполне достоин уважения общества именно за свою честность и нравственность. Пусть его жизнь не озарилась блеском какого-нибудь необыкновенного деяния на пользу общую — все-таки его нравственное значение не потеряно <...> Мысль и чувство и сами по себе не лишены, конечно, высокого реального значения; поэтому простая забота о развитии в себе

чувства и мысли есть уже деятельность законная и бесполезная» (там же: 479). Добролюбов допускал, что Станкевич, «натура преимущественно созерцательная», при других обстоятельствах, «при существовании непосредственных враждебных столкновений с миром» «не побоялся бы отстаивать свои убеждения и действовать против злых в пользу добрых...» (там же: 478). Но в любом случае он, конечно, заслуживает одобрительного признания. Добролюбов, как и Анненков, убежден, что развитие личности, подобной Станкевичу, отнюдь не противоречит, более того, вполне отвечает интересам общественного развития, и такое утверждение носило принципиальный характер.

На книгу Анненкова публично или в частной переписке также откликнулись И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, А. Н. Толстой, другие именитые люди. Так, А. Н. Толстой с волнением писал в августе 1858 г. к Б. Н. Чичерину: «Читал ли ты переписку Станкевича? Боже мой! что это за прелесть. Вот человек, которого я любил бы, как себя. Верить ли, у меня теперь слезы на глазах» (Толстой, 1992: 272).

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА

О Станкевиче и в последующие десятилетия не забывали, но ярко выраженного общественного интереса к нему не наблюдалось. Это вполне объяснимо, принимая во внимание не столько непривычный, обособленный вариант жизни Станкевича, сколько общие тенденции развития общественной мысли в России. Для представителей разных течений его тезаурусная картина мира, как и вся жизнь, не выглядела примером, и даже либералы, признавая его роль в интеллектуальной и духовной жизни в 1830-е годы, не склонны были оценивать фигуру Станкевича как актуальную. В ряды однозначно «своих» вводить его никто не спешил, ибо проблематика преобразования общества интересовала неизмеримо больше, чем проблематика саморазвития, преобразования человека.

Только через 50 лет после смерти Н. В. Станкевича был издан первый сборник его произведений (Станкевич, 1890). Более половины тиража в 300 экземпляров бесплатно разослали родственникам, знакомым, а также литераторам, деятелям культуры. Составителя книги — Алексея Ивановича Станкевича (1856–1922), племянника интересующей нас персоналии¹¹, с января 1887 г. служившего библиотекарем Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III, искренне благодарили. Однако выход книги не стимулировал новый дискурс, не привел к обогащению новыми интерпретациями и смыслами тезаурусной сферы вокруг Станкевича. Аналогичный вывод может быть сделан и в связи с изданием в начале 1914 г. более полного по сравнению с анненковским трудом 1857 г. собрания писем Н. В. Станкевича, также подготовленного А. И. Станкевичем (Переписка ... , 1914)¹². Познавательный интерес к нашей персоналии, к его тезаурусу у части образованных людей присутствовал, но этот интерес во многом имел, скажем так, историко-мемориальную окраску; проявления тезаурусной энергетике в сфере вокруг Станкевича были незначительными.

Конечно, о Николае Станкевиче писали, но обычно либо в общих работах по истории литературы, русской общественной мысли и русской интеллигенции (см., напр.: Скабичевский, 1890; Милюков, 1902; Иванов-Разумник, 1907), либо в связи с изучением истории жизни и взглядов других известных деятелей, прежде всего Белинского и Бакунина (см., напр.: Пыпин, 1876; Корнилов, 1915). Н. В. Станкевич оказывался на втором плане. При этом он рассматривался в основном как высоконравственная, бла-

городная личность, отсюда и подчеркнутая значимость влияния его «*сердца*» на окружающих (см. также: Манн, 1998: 251–253). Такой акцент был характерен еще для Анненкова, который обобщал: «Причина повсеместного влияния Станкевича заключается не в талантах, которых он проявить не успел, не в познаниях, хотя объем их был весьма уже значителен, не в уме, хотя глубина и пронизательность его были охотно признаваемы. <...> Причина полного, неотразимого влияния Станкевича заключалась в возвышенной его природе, в способности нисколько не думать о себе и без малейшего признака хвастовства или гордости невольно увлекать всех за собой в область идеала» (Анненков, 1857: 235). Нетрудно заметить, что в приведенном обобщении влияние «*ума*» нашей персоналии волей-неволей принижалось. Да, Станкевич был не столько собственно философом, сколько философствующим интеллектуалом; не столько историком, сколько человеком, старающимся понять смыслы исторического развития и особенности исторического знания; не столько литератором, сколько ценителем литературы и культуры в целом. Но в любом случае серьезное влияние его ума, его идей, которыми он охотно делился с друзьями, — существенный фактор для понимания феномена Станкевича, его «*сильных позиций*». Однако повторим, «*сердце*» перевешивало «*ум*» при восприятии его личности, оценках влияния на других людей. Это обстоятельство важно учитывать, когда мы говорим о развитии тезаурусной сферы вокруг интересующей нас персоналии.

В советское время, понятно, Станкевич не мог быть фигурой переднего плана, — грандиозный социальный эксперимент с его идеологическими постулатами востребовал других героев прошлого. О нем продолжали писать, но опять-таки, как правило, в контексте повышенного внимания к другим персоналиям, прежде всего Белинскому. Показательно, например, что имели место попытки изменить общую характеристику московского литературно-философского кружка, называя его кружком Станкевича-Белинского или даже просто кружком Белинского. Ни одной монографии о Станкевиче в советское время не вышло. Не случайно, конечно, и то, что никаких мероприятий широкого общественного звучания, посвященных Станкевичу, не проводилось.

Отмеченное, разумеется, не исключает отдельные значимые пополнения тезаурусной сферы. Не сбиваясь на историографию, напомним, например, о сборнике «Поэты кружка Н. В. Станкевича» (Поэты кружка ... , 1964) с содержательной вступительной статьей С. И. Машинского и о популярном, но богатом важными сведениями очерке Ю. В. Манна (Манн, 1983), об исследованиях этим автором (Манн, 1998: 251–312), а также З. А. Каменским (Каменский, 1980: 194–279) эстетических и философских взглядов Станкевича.

Некоторые позитивные подвижки в тезаурусной сфере вокруг Станкевича наблюдаются в современной России, особенно в последние годы. Число публикаций о нем заметно возросло. В 2013 г. в популярной серии «Жизнь замечательных людей» издана написанная Н. А. Карташовым книга о Станкевиче (Карташов, 2013). С 1998 г. в родных местах нашего героя с успехом проводится литературно-музыкальный фестиваль «Удереvский листопад». Развернуты значительные работы по созданию культурно-исторического центра «Усадьба Удереvка» (недалеко от современного села Мухоудереvка Алексеевского района Белгородской области). Перечень полезных начинаний можно продолжить.

Но вот ведь вопрос: являемся ли мы свидетелями качественных, содержательно-смысловых изменений в тезаурусной сфере вокруг нашей персоналии, придании ей новой энергии?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Положительный ответ на поставленный вопрос представляется проблематичным. Перспективы «жизни после смерти» — в данном случае Станкевича — в тезаурусной сфере определяются прежде всего содержательно-смысловой рефлексией и репрезентацией картины мира и личности Станкевича другими социальными субъектами. Конечно, в сфере (на то она и тезаурусная) возможны проявления ценностного отношения в различных вариантах, исходя из триады «свое — чужое — чуждое».

Станкевич, однако, вполне заслуживает, чтобы множилось число субъектов, главным образом индивидов, воспринимающих и понимающих его в той или иной степени, в тех или иных проявлениях как «своего». Но это предполагает и дальнейшую «работу над собой» с возможными изменениями в тезаурусе и стратегиях жизни в целях саморазвития, обогащения, по примеру Станкевича, своего внутреннего мира. Насколько на такую активность при существующем режиме в России ориентированы и готовы люди?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отметим, что Станкевич неоднократно использовал термин «сфера». В мае 1833 г. он писал о любви и искусстве как «благотворной сфере», в которой должен поселиться человек, чтобы «быть достойным себя» (Переписка ... , 1914: 221). Оценивая в том же году опубликованные стихотворения Н. С. Теплоевой (они — «прелесть»), Станкевич замечал: «Она в своей сфере, в кругу чувства, любви!» (там же: 436). В прозаической миниатюре «Три художника» (1833), раскрывающей взаимосвязь различных видов искусств, он обращал внимание на ценность «очаровательной сферы образов и звуков» (Станкевич, 2008: 139).

² На уровне недоразумения выглядит, например, вывод о том, что Станкевич был «духовным лидером российской молодежи 1830-х годов» (см.: Добрынина, 2009: 14). Автор, среди прочего, даже не задумывается о том, что такого лидера не могло быть в принципе.

³ Документ впервые был опубликован К. П. Архангельским (Архангельский, 1926: 96–97).

⁴ С дворянским семейством Бееров (встречается написание Беэры, Бееровы) Станкевич познакомился еще в 1831 г. Наталья Андреевна Беер (1809–1887) была равнодушна к нашему герою, о чем ему ясно дала понять осенью 1833 г. Роман оказался односторонним, Станкевич не ответил взаимностью (см. подробнее: Свалов, 2015b: 193–195). Кстати, для любознательного читателя: Наталья, как и ее сестра Александра, братья Алексей и Константин, приходились троюродными сестрами и братьями Л. Н. Толстому.

⁵ Фролов Николай Григорьевич (1812–1855), а также его супруга, Елизавета Павловна (урожденная Галахова), познакомились с Н. В. Станкевичем в Берлине в конце 1837 г. Станкевич относил Фроловых к «лучшим друзьям и знакомым», позднее он еще ближе сошелся с ними во Флоренции, где находился с конца ноября 1839 до начала марта 1840 г. Грановский считал, что Фролов «вполне достоин быть биографом Станкевича» (ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 64. Л. 359 об.). В июне 1850 г. Фролов женился на родной сестре Н. В. Станкевича — Марии (род. 2 декабря 1822), несмотря на попытки ее отца отложить брак. (В августе 1840 г. первая жена, Е. П. Фролова, умерла от туберкулеза.) Новый брак оказался скоротечным, болевшая Мария Владимировна 16 августа 1850 г. скончалась. В 1852 г. Фролов сочетался браком с Анной Евгеньевной Дараган, двоюродной сестрой Грановского.

⁶ Напомним, что «эпоха» 1830-х гг. нашла отражение и в других произведениях И. С. Тургенева. Так, в романе «Рудин» (1854) показаны различные типы людей из русской культурной среды: «Когда я изображал Покорского (в “Рудине”) образ Станкевича носился передо мной — но все это только бледный очерк» (Тургенев, 1980: 365).

⁷ Цензурное позволение на издание книги было дано 7 декабря 1857 г. Возможно, де-факто она вышла из типографии в первых числах 1858 г. В письме, датированном 21 января 1858 г., Анненков пишет Е. Ф. Коршу: «Книгу Станкевича получил. Ничего; для первого опыта типографского искусства хорошо, сказать между нами» (цит. по: Бутина, 1974: 96).

⁸ См. из современных работ отечественных литературоведов, в которых рассматривается анненковское издание: Матвеева, 2004; Коневец, 2005; Калугин, 2015.

⁹ Слово «переписка» в названии труда Анненкова неточно, ибо в нем опубликованы только письма самого Н. В. Станкевича (около половины известных). Такая же погрешность в названии допущена в издании А. И. Станкевича, предпринятом в 1914 г. (Переписка ... , 1914).

¹⁰ Приведем безынтесные, с долей иронии строки Анненкова из письма Е. Ф. Коршу после прочтения рецензии Льховского: «А вот и очень милая складочка явилась <в> на простыне “Библиотеки для чтения”. При разборе “Переписки Станкевича”, — там объявлено, что он эгоист, сластена и думал только о себе, ибо не видно, говорит критик, чтоб он и милостыню подавал. Можно прибавить, что он и сердце каменное имел — ибо не видно, служил ли он когда-нибудь благодарственный молебен или панихиду по усопшем» (цит. по: Бутина, 1974: 97–98).

¹¹ А. И. Станкевич — сын Ивана Владимировича Станкевича (1820–1907) и Дарьи Алексеевны (урожден. Камышева) (1824–1896).

¹² Выпуск «Переписки...» планировался в 1913 г., к 100-летию со дня рождения Николая Станкевича. Однако болезнь А. И. Станкевича отодвинула сроки ее выхода. Отметим, что эта книга, до настоящего времени не переиздававшаяся, остается ценнейшим источником. А. И. Станкевич сверил большинство опубликованных текстов с оригиналами, что позволило также восстановить пропуски, сокращения и исправить неточности, допущенные Анненковым в издании 1857 г. Подготовка этого издания (см. соответствующие документы: ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 24) неотделима от весомой работы Алексея Ивановича по формированию фамильного архива Станкевичей, которая целенаправленно велась им с конца 1880-х годов. Собранные документы в 1915 г. были переданы Императорскому Историческому музею для «общественного пользования».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анненков, П. В. (1857) Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М. : Тип. Каткова и К°. 237, 395 с.

Анненков, П. В. (2005) Письма к И. С. Тургеневу : в 2 кн. / изд. подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб. : Наука. Кн. 1: 1852–1874. 532 с.

Архангельский, К. П. (1926) По поводу первой биографии Н. В. Станкевича // Труды Воронежского гос. ун-та: пед. факультет. Т. 3. С. 95–110.

Белинский, В. Г. (1982) Собр. соч. : в 9 т. М. : Художественная литература. Т. 9: Письма 1829–1848 годов. 863 с.

Бутина, К. И. (1974) К истории журнала «Атеней». Приложение: Письма к Е. Ф. Коршу от П. В. Анненкова, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М. : Книга. Вып. 35. 285 с. С. 62–103.

Добролюбов, Н. А. (1986) Николай Владимирович Станкевич (Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым) // Добролюбов Н. А. Собр. соч. : в 3 т. / сост. и вступ. ст. Ю. Г. Буртина, примеч. Е. Ю. Буртиной. М. : Художественная литература. Т. 1: Статьи, рецензии и заметки (1853–1858). 861 с. С. 463–486.

Добрынина, Н. Е. (2009) Сквозь полтора столетия: моя семья. М. : Пашков дом. 345 с.

Иванов-Разумник, Р. В. (1907) История русской общественной мысли: индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. : в 2 т. М. : Тип. М. М. Стасюлевича. Т. 1–2.

Калугин, Д. (2006) Русские биографические нарративы XIX века: от биографии частного лица к истории общества // История и повествование : сб. ст. / под ред. Г. В. Обатнина, П. Песонена. М. : Новое лит. обозрение. 596 с. С. 178–195.

Калугин, Д. Я. (2015) Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 260 с.

Каменский, З. А. (1980) Московский кружок Любомудров. М. : Наука. 327 с.

Карташов, Н. А. (2013) Станкевич. М. : Молодая гвардия. 264 с.

Коневец, С. Н. (2005) Эпистолярное наследие Н. В. Станкевича в контексте литературного движения 1830-х годов XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 154 с.

Корнилов, А. А. (1915) Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых. XIV, 718 с.

Луков, В. А. (2015) Владимир Андреевич Луков и становление тезаурусной методологии гуманитарных исследований // Мировая культура в русском тезаурусе: I Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова, 27 марта 2015 г. : сб. науч. трудов. / редкол.: В. А. Луков (отв. ред.), Н. В. Захаров, Т. Ф. Кузнецова, Ч. К. Ламажаа, В. П. Трыков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 280 с. С. 3–29.

Луков, Вл. А. (2014) Концепция тезаурусных сфер // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 307–326.

Льховский, И. И. (1858) Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым // Библиотека для чтения. № 3. Отд. V. С. 1–46.

Манн, Ю. В. (1983) В кружке Станкевича : историко-литературный очерк. М. : Детская литература. 319 с.

Манн, Ю. В. (1998) Русская философская эстетика. 2-е изд. М. : МАЛП. 381 с.

Матвеева, О. И. (2004) Переписка Н. В. Станкевича как явление литературы : дис. ... канд. филол. наук. Самара. 192 с.

Милоков, П. Н. (1902) Из истории русской интеллигенции : сб. ст. и этюдов. СПб. : Знание. VIII, 308 с.

Переписка Николая Владимировича Станкевича, 1830–1840. (1914) М. : Изд. и ред. Алексея Станкевича. X, 787 с.

Поэты кружка Н. В. Станкевича: Н. В. Станкевич, В. И. Красов, К. С. Аксаков, И. П. Клюшников (1964) / вступ. ст., подг. текста и примеч. С. И. Машинского. М. ; Л. : Советский писатель. 617 с.

Пыпин, А. Н. (1876) Белинский, его жизнь и переписка : в 2 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича. Т. 1. XIII, 314 с.

Пыпин, А. Н. (1996) Мои заметки / сост. и коммент. Г. П. Мурениной, А. С. Озерянского ; под ред. И. В. Пороха. Саратов : Соотечественник. 332 с.

Сараева, Е. Л. (2014) Проблематика «личности» в письмах В. Г. Белинского начала 40-х гг. XIX в. // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. № 1. С. 7–21.

Свалов, А. Н. (2015a) К изучению индивидуального тезауруса Н. В. Станкевича // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 215–227. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.18

Свалов, А. Н. (2015b) Николай Станкевич: счастье было возможно? // Подъем : литературно-художественный журнал. № 11. С. 189–200.

Скабичевский, А. М. (1890) Сорок лет русской критики. 1820–1860 // Скабичевский А. М. Соч. : Критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики : в 2 т. СПб. : Изд. Ф. Павленкова. Т. 1. 798 стб. Стб. 279–571.

Станкевич, Н. В. (1890) Стихотворения. Трагедия. Проза. М. : Тип. и словолитня О. О. Гербека. XII, 245 с.

Станкевич, Н. В. (2008) Избранное / вступит. ст. и примеч. Б. Т. Удодова. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края. 302 с.

Т. Н. Грановский и его переписка (1897) : в 2 т. М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова. Т. 2: Переписка Т. Н. Грановского. 496 с.

Толстой, А. Н. (1992) Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Терра. Т. 60: Письма, 1856–1862. 558 с.

Тургенев, И. С. (1979) Гамлет Щигровского уезда // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. ; Соч. : в 12 т. 2-е изд. М. : Наука. Т. 3. 526 с. С. 249–273.

Тургенев, И. С. (1980) <Воспоминания о Н. В. Станкевиче> // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. 2-е изд. М. : Наука. Т. 5. 543 с. С. 360–366.

Дата поступления: 12.12.2015 г.

AROUND NIKOLAI STANKEVICH: A THESAURUS SPHERE

A. N. SVALOV

(RUSSIAN ACADEMY OF SOCIAL SCIENCES, MOSCOW)

We consider the concept of the thesaurus sphere one of the most significant innovations within the general framework of subject-oriented understanding of man and their world. Such a sphere should be viewed outside the system of the original thesaurus, as a virtual entity which envelops a social subject. Building on these theoretical points, our article examines the specifics of the development of the thesaurus sphere around the name of Nikolai Stankevich, Russian philosopher of the 1830s. We show that this development was greatly influenced by his extraordinary personality and his uncommon strategy of life-building. Throughout his short life, he remained close to only a very limited group of friends.

A new stage began in 1857, with the publication of P.V. Annenkov's biography of Stankevich. Having 'opened' him for the wide audience, the book enriched his thesaurus sphere by provoking a dramatic discussion of the numerous versions of living strategies which were important for the society. But the interest in Stankevich and his thesaurus remained limited in the following decades, which was due to the ideas of transforming the society remaining widely more popular for followers of various ideologies than the issues of human development and self-development. For many decades, including the Soviet era, Stankevich has been seen as a figure of certain interest, but little relevance.

Adding a new meaning to the thesaurus sphere around N.V. Stankevich has been made possible by a newly kindled interest of other social subjects in his personality and world picture. The prospects of these new developments depend on understanding the value of 'self-fulfilment' and of the enrichment of human spirit.

Keywords: thesaurus approach; thesaurus sphere; N.V. Stankevich; Russian Romanticist idealism of the 19th century

REFERENCES

- Annenkov, P. V. (1857) *Nikolai Vladimirovich Stankevich. Perepiska ego i biografiia* [Nikolai Vladimirovich Stankevich, his correspondence and biography]. Moscow, Tipografiia Katkov i K^o [Katkov & Co Printing House]. 237, 395 p. (In Russ.).
- Annenkov, P. V. (2005) *Pis'ma k I. S. Turgenevu* [Letters to I. S. Turgenev] : in 2 bks. / ed. by N. N. Mostovskaia and N. G. Zhekulin. St. Petersburg, Nauka Publ. Bk. 1: 1852–1874. 532 p. (In Russ.).
- Arkhangelskii, K. P. (1926) Po povodu pervoi biografii N. V. Stankevicha [On the first biography of N. V. Stankevich]. *Trudy Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta: pedagogicheskii fakul'tet*, vol. 3, pp. 95–110. (In Russ.).
- Belinsky, V. G. (1982) *Sobranie sochinenii* [Collected works] : in 9 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 9: *Pis'ma 1829–1848 godov* [Letters, 1829–1848]. 863 p. (In Russ.).
- Butina, K. I. (1974) K istorii zhurnala «Atenei». Prilozhenie: Pis'ma k E. F. Korshu ot P. V. Annenkova, I. A. Goncharova, M. E. Saltykova-Shchedrina [On the history of the Athenaeum magazine. Appendix: Letters to F. F. Korsh from P. V. Annenkov, I. A. Goncharov, M. E. Saltykov-Shchedrin]. In: *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina*. Moscow, Kniga Publ. Issue 35. 285 p. Pp. 62–103. (In Russ.).
- Dobrolyubov, N. A. (1986) Nikolai Vladimirovich Stankevich (Perepiska ego i biografiia, napisannaia P. V. Annenkovym) [Nikolai Vladimirovich Stankevich (His correspondence and biography written by P. V. Annenkov)]. In: Dobrolyubov, N. A. *Sobranie sochinenii* [Collected works] : in 3 vols. / comp. foreword by Yu. G. Burtin, notes by E. Yu. Burtina. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 1: *Stat'i, retsenzii i zametki (1853–1858)* [Articles, reviews and notes (1853–1858)]. 861 p. Pp. 463–486. (In Russ.).
- Dobrynina, N. E. (2009) *Skvoz' poltora stoletia: moia sem'ia* [Through a century and a half: My family]. Moscow, Pashkov dom Publ. 345 p. (In Russ.).
- Ivanov-Razumnik, R. V. (1907) *Istoriia russkoi obschestvennoi mysli: individualizm i me-sbchanstvo v russkoi literature i zhizni XIX v.* [A history of Russian social thought: Individualism

and 'meshchanstvo' in 19th century Russian literature and life] : in 2 vols. Moscow, Tipografiia M. M. Stasiulevicha [M. M. Stasiulevich's Printing House]. Vols. 1–2. (In Russ.).

Kalugin, D. (2006) *Russkie biograficheskie narrativy XIX veka: ot biografii chastnogo litsa k istorii obshchestva* [Russian biographic narratives in the 19th century: From a biography of a private person to the history of the society]. In: *Istoriia i povestvovanie* [History and narrative] : A collection of articles / ed. by G. V. Obatnin and P. Pesonen. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 596 p. Pp. 178–195. (In Russ.).

Kalugin, D. Ya. (2015) *Proza zbizni: russkie biografii v XVIII–XIX vv.* [The prose of life: Russian biographies in the 18th–19th centuries]. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publ. 260 p. (In Russ.).

Kamenskii, Z. A. (1980) *Moskovskii kruzhok liubomudrov* [The Moscow circle of the lyubomudry]. Moscow, Nauka Publ. 327 p. (In Russ.).

Kartashov, N. A. (2013) *Stankevich* [Stankevich]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ. 264 p. (In Russ.).

Konevets, S. N. (2005) *Epistoliarное nasledie N. V. Stankevicha v kontekste literaturnogo dvizheniia 1830-kb godov XIX veka* [N. V. Stankevich's correspondence in the context of literary life in the 1830s] : Diss. ... Candidate of Philology. Saratov. 154 p. (In Russ.).

Kornilov, A. A. (1915) *Molodye gody Mikhaila Bakunina. Iz istorii russkogo romantizma* [Mikhail Bakunin's youth. From the history of Russian romanticism]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovyykh [M. and S. Sabashnikovs Publ.]. XIV, [2], 718 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2015) Vladimir Andreevich Lukov i stanovlenie tezaurusnoi metodologii gumanitarnykh issledovaniy [Vladimir Andreevich Lukov and the rise of the thesaurus methodology of humanities studies]. In: *Mirovaia kul'tura v russkom tezauruse: I Akademicheskie chteniia pamiati Vladimira Andreevicha Lukova, 27 marta 2015 g.* [World culture in the Russian thesaurus: The 1st Academic Readings in the memory of Vladimir Andreevich Lukov, March 27, 2015] : collection of articles / editorial board: V. A. Lukov (publishing editor), N. V. Zakharov, T. F. Kuznetsova, Ch. K. Lamazhaa and V. P. Trykov. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ. 280 p. Pp. 3–29. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2014) Kontseptsiiia tezaurusnykh sfer [The conception of thesaurus spheres]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 307–326. (In Russ.).

Lkhovskii, I. I. (1858) N. V. Stankevich. Perepiska ego i biografiia, napisannaia P. V. Annenkovym [N. V. Stankevich. His correspondence and the biography written by P. V. Annenkov]. *Biblioteka dlia chteniia*, no. 3, section V, pp. 1–46. (In Russ.).

Mann, Yu. V. (1983) *V kruzhke Stankevicha: istoriko-literaturnyi ocherk* [In the Stankevich circle: An essay in the history of literature]. Moscow, Detskaia literatura Publ. 319 p. (In Russ.).

Mann, Yu. V. (1998) *Russkaia filosofskaia estetika* [Russian philosophical aesthetics]. 2nd edn. Moscow, MALP Publ. 381 p. (In Russ.).

Matveeva, O. I. (2004) *Perepiska N. V. Stankevicha kak iavlenie literatury* [N. V. Stankevich's correspondence as a literary phenomenon] : Diss. ... Candidate of Philology. Samara. 192 p. (In Russ.).

Miliukov, P. N. (1902) *Iz istorii russkoi intelligentsii* [From the history of Russian intelligentsia] : A collection of articles and essays. St. Petersburg, Znanie Publ. VIII, 308 p. (In Russ.).

Perepiska Nikolaia Vladimirovicha Stankevicha. 1830–1840 [The correspondence of Nikolai Vladimirovich Stankevich. 1830–1840]. (1914) Moscow, ed. and publ. by Aleksei Stankevich. X, 787 p. (In Russ.).

Poety kruzhka N. V. Stankevicha: N. V. Stankevich, V. I. Krasov, K. S. Aksakov, I. P. Kliushnikov [The poets of the N. V. Stankevich circle: N. V. Stankevich, V. I. Krasov, K. S. Aksakov, I. P. Kliushnikov] (1964) / ed. by S. I. Mashinskii. Moscow ; Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ. 617 p. (In Russ.).

Pypin, A. N. (1876) *Belinskii, ego zbizn' i perepiska* [Belinsky, his life and correspondence] : in 2 vols. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha [M. M. Stasiulevich's Printing House]. Vol. 1. XIII, 314 p. (In Russ.).

Pypin, A. N. (1996) *Moi zametki* [My notes] / comp. and comment. by G. P. Murenina and A. S. Ozerianskii ; ed. by I. V. Porokh. Saratov, Sootchestvennik Publ. 332 p. (In Russ.).

Saraeva, E. L. (2014) Problematika «lichnosti» v pis'makh V. G. Belinskogo nachala 40-kh gg. XIX v. [The problems of 'personality' in V. G. Belinsky's letters of the early 1840s]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, vol. 1, no. 1, pp. 7–21. (In Russ.).

Svalov, A. N. (2015a) K izucheniiu individualnogo tezaurusa N. V. Stankevicha [Studying the individual thesaurus of Nikolai Stankevich]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 215–227. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.18 (In Russ.).

Svalov, A. N. (2015b) Nikolai Stankevich: schast'e bylo vozmozhno? [Nikolai Stankevich: Was happiness possible?]. *Pod'em*, no. 11, pp. 189–200. (In Russ.).

Skabichevsky, A. M. (1890) Sorok let russkoi kritiki. 1820–1860 [40 years of Russian literary criticism. 1820–1860]. In: Skabichevsky, A. M. *Sochineniia: Kriticheskie etudy, publitsisticheskie ocherki, literaturnye kharakteristiki* [Works: Critical essays, journalism, literary sketches] : in 2 vols. St. Petersburg, F. Pavlenkov's Publ. Vol. 1. 798 clmns. Clmns. 279–571. (In Russ.).

Stankevich, N. V. (1890) *Stikhotvoreniia. Tragediia. Proza* [Poems. Tragedy. Prose]. Moscow, Tipografiia i slovolitnia O. O. Gerbeka [O. O. Gerbek's Printing House and Letter Foundry]. XII, 245 p. (In Russ.).

Stankevich, N. V. (2008) *Izbrannoe* [Selected works] / foreword and notes by B. T. Udodov. Voronezh, Tsentri dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia [Center for Spiritual Renovation of the Black Earth Region]. 302 p. (In Russ.).

T. N. Granovskii i ego perepiska [T. N. Granovsky and his correspondence] (1897) : in 2 vols. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova [Partnership of A. I. Mamontov's Printing House]. Vol. 2: *Perepiska T. N. Granovskogo* [T. N. Granovsky's correspondence]. 496 p. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1992) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 90 vols. Moscow, Terra Publ. Vol. 60: *Pis'ma, 1856–1862* [Letters, 1856–1862]. 558 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1979) Gamlet Shchigrovskogo uezda [Hamlet of the Shchigrov Uyezd]. In: Turgenev, I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 30 vols. : *Sochineniia* [Works] : in 12 vols. 2nd edn. Moscow, Nauka Publ. Vol. 3. 526 p. Pp. 249–273. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1980) <Vospominaniia o N. V. Stankeviche> [<Memories of N. V. Stankevich>]. In: Turgenev, I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 30 vols. : *Sochineniia* [Works] : in 12 vols. 2nd edn. Moscow, Nauka Publ. Vol. 5. 543 p. Pp. 360–366. (In Russ.).

Submission date: 12.12.2015.

Свалов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, академик Российской академии социальных наук, г. Москва. Тел.: +7 (495) 399-15-83. Эл. адрес: ava-69@mail.ru

Svalov Aleksandr Nikolayevich, Candidate of History, Full Member, Russian Academy of Social Sciences, Moscow. Tel.: +7 (495) 399-15-83. E-mail: ava-69@mail.ru